

Межличностные коммуникации в крымоведении по неизвестной переписке П.Я. Чепуриной и Б.Н. Засыпкина 1927 года

Андрей Непомнящий

(Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ;

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского)

Аннотация. Анализируется межличностный конфликт между ключевыми фигурами исторического крымоведения эпохи, возникший на почве специализации местных музеев. В основе сюжета – выявленные автором в фонде Центральных государственных реставрационных мастерских в Центральном государственном архиве города Москвы письма заведующей Евпаторийским археолого-этнографическим музеем Полины Яковлевны Чепуриной к крупному реставратору, организатору мероприятий по охране культурного наследия в различных регионах СССР Борису Николаевичу Засыпкину. Эпистолярный позволяет раскрыть разнообразный круг проблем, с которым сталкивалась подвижница евпаторийского краеведения, раскрывается широкий диапазон ее научных контактов. Рассмотрена попытка крымских властей закрыть музей в Евпатории и передать оформившиеся коллекции фонды в состав Государственного музея тюрко-татарской культуры в Бахчисарае.

Ключевые слова: крымоведение, Евпаторийский археолого-этнографический музей, Б.Н. Засыпкин, П.Я. Чепурина.

Для цитирования: *Непомнящий А.А.* Межличностные коммуникации в крымоведении по неизвестной переписке П.Я. Чепуриной и Б.Н. Засыпкина 1927 года // Крымское историческое обозрение. 2022. Т. 9, № 2. С. 63-83. DOI: 10.22378/kio.2022.2.63-83

В истории крымоведения 1927 год во многом был ярким. Наконец, благодаря титаническим усилиям А.И. Маркевича, было восстановлено издание главного рупора местных краеведов – бывших «Известий» Таврической ученой архивной комиссии, называвшихся теперь, в связи с переименованием организации, «Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии». Второй год подряд, теперь в Севастополе (Херсонесе), после нашумевшей Конференции археологов СССР в Керчи 1926 года, собрался представительный форум отечественных и зарубежных ис-

ториков-крымоведов. Таким образом, именно в Крыму возрождались традиции проведения всероссийских археологических съездов. Только закончилась и ждала осмысления и практических решений масштабная экспедиция по изучению историко-культурного наследия тюркских народов полуострова (1924–1926), проведенная совместно КрымОХРИСом, Всесоюзной научной ассоциацией востоковедения и Центральными государственными реставрационными мастерскими при финансировании Совнаркомом Крымской АССР. Историческое крымоведение находилось на подъеме, строились дальнейшие перспективные планы для работ, а между тем в этом же году внезапно был ликвидирован КрымОХРИС [6, с. 125–130]. Именно к данному периоду относятся выявленные нами в архивном фонде Центральных государственных реставрационных мастерских три письма заведующей археолого-этнографическим музеем в Евпатории П. Я. Чепуриной к специалисту Центральных государственных реставрационных мастерских Б.Н. Засыпкину, которые демонстрируют динамику взаимоотношений между знаковыми фигурами крымоведения эпохи. События и круг лиц, затронутых в эпистолярной, достаточно колоритны и достойны отдельного пояснения.

В центре обсуждения – Евпаторийский археолого-этнографический музей. Этот культурный и научный центр Западного Крыма возник в 1916 году благодаря инициативе и настойчивости заведующего раскопками и музеем в Херсонесе Лаврентия Алексеевича Моисеева (1882–1946) и профессора Петроградского университета Михаила Ивановича Ростовцева (1870–1952) [См. подробнее: 11, с. 285–286]. Подчиненный Археологической комиссии, музей являлся отделением Склада местных древностей в Херсонесе. В смутные годы Гражданской войны, частой сменяемости правительств на полуострове было не до организации музея. Поэтому в период окончательного установления Советской власти, к началу 20-х годов, учреждение проходило только этап становления. Одновременно с археологической коллекцией, сформированной в результате поиска Керкинитиды, было положено начало и этнографическому собранию. К 1921 году этнографические материалы, характеризующие культуру и быт караимов, являлись основными во временной экспозиции [17]. Помещением, где первоначально концентрировались экспонаты, стала городская библиотека.

История музея в Евпатории связана с именем крупного крымоведа Полины Яковлевны Чепуриной (1880–1947). Она родилась в Киеве в семье священника¹. Отца вскоре перевели на службу в Евпаторию. После традиционного курса домашнего образования Полина окончила Евпаторийскую женскую гимназию, а затем – Одесское художественное училище. Заро-

¹ ГАРК, ф. Р–138, оп. 1, д. 10, л. 12.

дившийся на почве окружавших гимназистку многочисленных древностей античной Керкинитиды интерес к прошлому способствовал продолжению образования в Московском археологическом институте, где она получила специальность «археолог-художник». Ее научным наставником была известный этнограф Вера Николаевна Харузина (1886–1931) [См. подробнее: 8, с. 227–229]. Значительным этапом в научном становлении будущего крымоведа стала поездка в Италию и Германию в 1898 году, где Полина Яковлевна изучала практику возрождения народных промыслов². В 1903–1910 годах П.Я. Чепурина проживала в Одессе. Она преподавала в фабричной воскресной школе³ и одновременно работала в организационном комитете Одесской художественно-промышленной выставки. Уже в одесский период, не прерывая постоянных контактов с Крымом, подвижница увлеклась изучением бытовой истории крымских татар, «по собственному почину занялась собиранием и изучением крымско-татарского орнамента»⁴.

У нас нет информации о том, где работала П.Я. Чепурина в 1911–1920 годах. Но известно, что проживала она в Евпатории с отцом. В 1910–1911 годах состоялась ее первая научная экспедиция по Крыму, где Полина Яковлевна собирала крымско-татарское орнаментное шитье. Маршрут экспедиции тогда охватил Юго-Восточный Крым: Отузы, Козы, Токлук, Судак, Таракташ, Капсихор, Кутлак, Ай-Серез. Главной находкой молодого этнографа стало открытие творчества художницы-рисовальщицы орнамента Айше Мамбетовой из деревни Отузы.

К началу второго десятилетия XX столетия относятся первые научные исследования П.Я. Чепуриной в области изучения крымско-татарского и караимского народного искусства. Отрывочные факты позволяют установить ее коммуникации с исследователями Москвы и Санкт-Петербурга. Так, по результатам экспедиции 1910–1911 годов этнографом были прочитаны научные доклады в Русском географическом обществе («Культура и быт крымских татар»), в этнографическом кружке при Археологическом институте, которым руководила В.Н. Харузина, («Орнамент крымскотатарской вышивки»), «Быт, искусство и архитектура крымских татар»⁵.

Со сменой власти краевед смогла реализовать себя как специалист-этнограф в музейном деле. По приглашению Евпаторийского отдела народного образования Крымревкома П.Я. Чепурина заняла должность заведующей в учрежденном в 1921 году музее. Одновременно она возглавила Евпаторийскую секцию Крымского отдела по делам музеев и охране памятников искусства, старины, природы и народного быта (КрымОХРИСа).

² Там же, л. 38 об.

³ Там же, л. 58–59.

⁴ ГМИНВ, оп. 2, сшивка 6, д. 115, л. 4.

⁵ Там же, л. 4.

Заведующая пришла практически на пустое место. Музея, как такового, не было. Прежде всего, требовалось решить вопрос о выделении отдельного здания для хранения и экспонирования коллекции. В феврале 1921 года распоряжением начальника 46-й стрелковой дивизии Рабоче-Крестьянской Красной Армии для выставки, которая на данном этапе именовалась «Музей «Искусство старины»» было выделено здание по улице Советской⁶. Уже к концу года учреждение культуры именовали – Евпаторийский археолого-этнографический музей⁷. В протоколе заседания Евпаторийской секции ОХРИСа от 20 июля 1921 года отмечено, что хотя научная классификация не окончена, но экспозиция может быть открыта для горожан и гостей курорта [10, с. 129–131]. Сотрудникам пришлось самостоятельно ремонтировать помещение. Только после окончания восстановительных работ они начали формирование экспозиции и обработку фондов.

Поступлений в первые месяцы Советской власти было много. Источником стали массовые реквизиции у расстрелянных и эмигрировавших горожан. Среди конфискованных вещей П.Я. Чепурина отбирала приглянувшиеся предметы на складах жилищного отдела и отдела народного образования (книги). Власти ей не мешали и не ограничивали в отборе. Так, благодаря реквизициям собрание пополнилось богатыми коллекциями японских вещей: эмальями и одеждой, тканями. Созданию полновесной экспозиции препятствовало отсутствие витрин и полок для хранилища⁸. «Все же удалось сделать предварительную расстановку. Окончательная будет сделана, по возможности, скоро», – отмечалось в отчете музея, отосланном в ОХРИС, от 15 апреля 1921 года, – «Приступили к классификации, номеровке и составлению каталога, который вчерне почти готов»⁹.

Вокруг энтузиаста-заведующей постепенно формировалась группа неравнодушных представителей местной интеллигенции, которые помогали ей обрабатывать фонды музея. П.Я. Чепурина пригласила в штат музея специалиста в области античного искусства Леонида Григорьевича Песчанского – выпускника Новороссийского университета (обучался в 1898–1901 гг.), ученика крупного специалиста по античным памятникам Юга России Э.Р. Штерна. В начале XX столетия он слушал лекции в Берлинском университете, специализировался у профессора Ф. Виеганда. Л.Г. Песчанский являлся научным секретарем музея. На штатной должности хранителя работал выпускник Академии художеств Георгий Харлампиевич Бояджиев (1861–1944). До установления советской власти он слу-

⁶ ГАРК, ф. Р–138, оп. 1, д. 1, л. 200.

⁷ ГИМ РФ ОПИ, ф. 54, оп. 1, д. 999, л. 6.

⁸ ГАРК, ф. Р–138, оп. 1, д. 1, л. 157.

⁹ Там же, л. 68.

жил преподавателем искусств в средних учебных заведениях Евпатории. Увлекался любительской археологией¹⁰.

Уже осенью 1922 года штат музея был сокращен до двух единиц – заведующая и технический работник¹¹. П.Я. Чепурина просила руководство КрымОХРИСа ходатайствовать перед Главнаукой Наркомата просвещения РСФСР о восстановлении штата музея в количестве хотя бы трех сотрудников¹². Руководитель КрымОХРИСа А.И. Полканов с такими ходатайствами в Москву обращался, но безрезультатно¹³. В создавшейся ситуации заведующая старалась дать инициативу тем из местных деятелей, кто любил и понимал музейную работу. По собственной инициативе, на общественных началах, в музее сотрудничали заведующим караимским отделом Борис Саадьевич Ельяшевич (1881–1971) – уроженец Трокая, выпускник Евпаторийского караимского духовного училища. Он увлеченно разрабатывал вопросы, связанные с изучением древнееврейского, татарского и турецкого языков. Хранителем библиотеки музея стал Соломон Маркович Шайтан¹⁴.

Практически сразу после открытия евпаторийскими этнографами была начата работа по созданию «Восточной комнаты» (экспозиция создавалась с 22 июня по 16 июля). В апреле 1921 года на заседании Евпаторийской секции ОХРИСа обсуждался вопрос «о привлечении татарина» в качестве заведующего «Восточной комнатой» и караима для разбора караимских рукописей в архивном отделе секции¹⁵. Так в музее стал сотрудничать И.С. Аирчинский. Кроме «Восточной комнаты» Полина Яковлевна, в русле собственных увлечений народными промыслами, открыла комнату прикладных искусств.

Важной составляющей деятельности П.Я. Чепуриной в Евпатории в начале 20-х была организация мероприятий по сохранению культурного наследия. Катастрофической была ситуация с сохранностью караимских рукописей. Уникальные рукописи продавали на рынке как обычную бумагу для топки. В письме в Евпаторийский ревком 15 июня 1921 года П.Я. Чепурина требовала запретить продажу архивных документов из разных ведомств на вес, а временно собирать и хранить эти бумаги при музее до официального открытия местного архива¹⁶. Сотрудники музея – они же деятели местного отделения КрымОХРИСа – проводили большую работу

¹⁰ ГИМ РФ ОПИ, ф. 54, оп. 1, д. 999, л. 8.

¹¹ ИИМК РАН НА РО, ф. 2 (1927 г.), д. 83, л. 5.

¹² ГАРФ, ф. А–2307, оп. 3, д. 316, л. 227.

¹³ Там же, л. 228.

¹⁴ ГИМ РФ ОПИ, ф. 54, оп. 1, д. 999, л. 7 об.–8.

¹⁵ ГАРК, ф. Р–138, оп. 1, д. 1, л. 90.

¹⁶ Там же, л. 30.

по обследованию и учету архитектурных объектов города, которых в Евпатории было немало. В письме в ОХРИС Чепурина сообщала, что «отыскан еще один старый дом по Купеческой улице, 123» (здание Караимского духовного правления), имеющий «прекрасный резной потолок (в полной сохранности), остаток галереи, карнизов»¹⁷. Благодаря ходатайству Евпаторийского отделения ОХРИСа этот объект культурного наследия был взят на музейный учет и освобожден от постоя.

Таким образом, Полина Яковлевна Чепурина развернула многогранную деятельность по учету, охране и музеефикации исторического наследия Евпатории. Одновременно в кругах крымоведов в СССР и за рубежом ее фамилия все чаще звучала при упоминании евпаторийской старины и изучении археологических и этнографических памятников региона. В деле популяризации ее имени давали результаты и публикации краеведа о деятельности музея, помещенные в центральных изданиях [См. подробнее: 7, с. 644–646]. В 1923 году на географическом отделении Первого московского государственного университета Полина Яковлевна выступила с сообщениями «Евпаторийская старина и орнамент крымских татар»¹⁸ и «Бытовое искусство крымских татар и памятники старины»¹⁹.

Начались противоречивые годы НЭПа в Крыму. В прошлое ушел голлод и все бросились как-то зарабатывать. На курорты вернулись отдыхающие. В 1924 году краевед пыталась наладить лекторий для отдыхающих и жителей Евпатории по актуальным вопросам местной истории и этнографии. Она разработала научно-популярные лекции «Евпатория в прошлом: по материалам раскопок 1916–1917 годов», «Татарское орнаментальное искусство», «Караимское искусство как одно из слагаемых искусства Востока». Доходы от выступлений, по задумкам краеведа, должны были пополнять фонд Ассоциации любителей караимской старины и искусства, который она возглавляла²⁰. Одновременно этнограф не прекращала своей основной работы по копированию образцов бытового искусства народов Крыма, создавая уникальную по научному значению коллекцию этнографических рисунков²¹. На Международной выставке декоративного искусства и современной художественной промышленности, состоявшейся в 1925 году в Париже, представленные П.Я. Чепуриной крымско-татарские вышивки были удостоены бронзовой медали. Этот успех вдохновил краеведа на работу, целью которой было восстановить по всему Крыму угасавшее к тому времени искусство шитья и ткачества. В русле решения задач

¹⁷ Там же, л. 64; ГИМ РФ ОПИ, ф. 54, оп. 1, д. 999, л. 13–14.

¹⁸ СПбФ АРАН, ф. 155, оп. 2, д. 747, л. 103.

¹⁹ ГАРК, ф. Р–663, оп. 7, д. 115, л. 1–2.

²⁰ Там же, ф. Р–138, оп. 1, д. 6, л. 11.

²¹ ГМИНВ, оп. 2, сшивка 6, д. 115, л. 4 об.

политики коренизации ставилась задача возрождения на полуострове и других ремесленных производств, продукция которых достигала в досоветское время высокого художественного уровня. Научная активность подвижницы крымской этнографии была на подъеме. Заполняя в этот период анкету для Общества по изучению Крыма, П.Я. Чепурина определила тематику исследований, как «Научно-художественное изучение Крыма за период XII–XVIII века»²².

Полина Яковлевна рассчитывала, что рост ее авторитета на научном поприще будет способствовать и упрочению позиций музея. Однако московские чиновники не обращали внимания на заслуги заведующей. В том же триумфальном для П.Я. Чепуриной 1925 году руководитель Музейного отдела Наркомпроса РСФСР Н.И. Седова утвердила новый штат крымских музеев. Для Евпаторийского, который объединил в 1924 году местный археолого-этнографический музей, Караимский музей и Караимскую национальную библиотеку²³, предполагалось всего два сотрудника, один из которых – научный²⁴.

Обширен был и круг ученого общения заведующей евпаторийским музеем. Общение и контакты завязывались на почве изучения музейных коллекций, в том числе – уникальных книжных памятников Карай-битиклиги [9], а также изучения, реставрации и охраны объектов культурного наследия города. Одним из консультантов П.Я. Чепуриной стал ее московский коллега Б.Н. Засыпкин, с которым у Полины Яковлевны выстроились дружеские отношения.

Архитектор-реставратор Борис Николаевич Засыпкин (1891–1955) – крупный деятель в области охраны и восстановления памятников истории и культуры, основоположник методики научной реставрации. В сфере его основных научных интересов была материальная культура мусульманского мира. Родом с Оренбурга, детство Борис Николаевич провел в Челябинске. После окончания Челябинского городского реального училища (1910 г.) он поступил на художественное отделение Томского технологического института им. императора Николая II и в том же 1910 году перевелся в Московское училище живописи, которое закончил в 1916 году со званием архитектора. При этом молодой специалист получил премию имени В.А. Жуковского за дипломную работу²⁵. Служебная карьера архитектора началась в Строительной комиссии Московского дворцового управления, где он с 1911 по 1914 годы занимался реставрацией башен Кремля и церкви в Коломенском. В 1915-м Б.Н. Засыпкин получил должность архитектора в

²² ГАРК, ф. Р–138, оп. 1, д. 11, л. 38 об.

²³ ГАРФ, ф. А–2307, оп. 10, д. 190, л. 58–58 об.

²⁴ Там же, оп. 3, д. 162, л. 12.

²⁵ РГАЛИ, ф. 680, оп. 2, д. 2264, л. 1–2.

Московской городской управе. Одновременно с работой в Москве он продолжал образование в столице – в Академии художеств. Революция 1917 года не позволила ему получить диплом, хотя основной лекционный курс был прослушан [1, с. 158]. Ликвидация после революции «старорежимных» учреждений вынудила Б.Н. Засыпкина уехать к родителям в Челябинск, где он в 1918–1919 годах служил архитектором в уездной земской управе. В 1919 году Борис Николаевич переехал в Томск, где устроился в местном отделе охраны памятников искусства и старины (заведовал подотделом искусства). В 1921–1922 годах Б.Н. Засыпкин работал в аналогичных учреждениях в Костроме и Ярославле (заведующим подотделом охраны памятников искусства и старины губернского отдела по делам музеев). Находясь в этой должности Борис Николаевич начал сотрудничать с Музейным отделом Главнауки Наркомпроса РСФСР. По заданию из Москвы Б. Н. Засыпкин в 1923 году выехал в Самарканд для изучения архитектурного наследия и проведения реставрационных работ.

По рекомендации заместителя заведующего Музейным отделом Главнауки Наркомпроса РСФСР Николая Рудольфовича Левинсона (1888–1966) Б.Н. Засыпкин был принят штатным сотрудником в это учреждение²⁶. Одновременно он получил должность «архитектора по восточной архитектуре» во Всероссийской комиссии по делам реставрации (с 1924 г. – Центральные государственные реставрационные мастерские). Борис Николаевич возглавлял в эти годы все реставрационные проекты в Средней Азии [1, с. 160]. Впоследствии в ЦГРМ он занял пост заведующего архитектурной секцией.

С 1924 года КрымЦИК, Совнарком Крымской АССР выделяли значительные средства для изучения истории и этнографии тюркских этносов полуострова. Это, безусловно, увязывалось с проводимой на полуострове политикой коренизации. В 1925 году (а не в 1926, как отмечают некоторые авторы [1, с. 160]), на выделенные крымским правительством деньги КрымОХРИС начал крупномасштабную археолого-этнографическую экспедицию по изучению «татарской старины». Основным исполнителем был назначен Государственный дворец-музей тюрко-татарской культуры в Бахчисарае (руководил У.А. Боданинский) при активном участии Крымского государственного педагогического института им. М.В. Фрунзе (О.А. Акчокраклы и др.). Среди местных деятелей привлекались Н.С. Барсамов и К.Ф. Богаевский (Феодосийский музей краеведения), П.И. Голландский и Н.Л. Эрнст (Центральный музей Тавриды). Разведывательные работы начались еще в 1924 году. Уже тогда в них активно участвовали представители Всесоюзной научной ассоциации востоковедения А.С. Башкиров и

²⁶ ГАРФ, ф. А–2307, оп. 22, д. 373, л. 3.

Н.И. Бороздин, которые с 1925 года возглавили экспедицию. Тогда же к ним присоединился Б.А. Куфтин, который руководил этнографической частью, и А.П. Удаленков от ЦГРМ [5; 13].

В 1926 году после двухлетних археологических разведок и раскопок, когда очертился значительный объем архитектурных находок Средневекового Крыма, по решению Главнауки «для инструктирования реставрационных работ» к участию экспедиции был привлечен Б.Н. Засыпкин²⁷. За полтора месяца (август – сентябрь 1926 г.) Борис Николаевич обследовал памятники в Бахчисарае и округе, Карасубазаре, Старом Крыму, Феодосии, Судаке, Алушке, Севастополе и Евпатории [6, с. 125–127]. Объем изученных объектов, судя по сохранившимся актам, составленным Б.Н. Засыпкиным, совместно с местными деятелями ОХРИСов и музеев, свидетельствует о напряженной работе. Эти документы опубликованы нами в 2008 году [15, с. 113–159]. Кстати, во время этой поездки Б. Н. Засыпкин, который до этого не видел моря, смог насладиться в «бархатный сезон» всеми прелестями крымского климата²⁸.

В Евпатории 16 августа 1926 года Б. Н. Засыпкиным были исследованы архитектурные объекты, находящиеся в ведении Евпаторийской секции ОХРИСа: текие дервишей, дом Бабаджана, караимские кенасы²⁹. Объектом пристального внимания архитектора стала мечеть Хан-Джами (Джума-Джами) 1552 года постройки. Его сопровождала П.Я. Чепурина и заместитель председателя КрымОХРИСа Я.П. Бирзгал.

Первые обобщения значительных научных и методико-практических исследований, произведенных на полуострове, Б.Н. Засыпкин сделал на проходившей в сентябре 1926 года Конференции археологов СССР в Керчи [4, с. 60–108]. Его доклад «Состояние татарских памятников в Крыму» был заслушан на Тюрко-татарской секции на третий день заседаний и вызвал живое обсуждение [3]. Дело в том, что участниками данного научного форума как раз были коллеги московского архитектора из крымских музеев, археологи, участники названной экспедиции. Для ЦГРМ Б.Н. Засыпкин подготовил отдельные доклады об обследовании им памятников архитектуры в Крыму³⁰ и о состоянии археологического наследия на полуострове³¹. В дальнейшем эти материалы Б. Н. Засыпкин обобщил в фундаментальной статье «Памятники архитектуры крымских татар», опубликованной в 1927 году в рупоре крымоведов – журнале «Крым». В статье предложена научная классификация архитектурного наследия средневекового

²⁷ ЦГАМ, ф. Р–1, оп. 1, д. 9, л. 79–80; Там же, д. 507, л. 3–4 об.

²⁸ РГАЛИ, ф. 2529, оп. 1, д. 155, л. 1.

²⁹ ЦГАМ, ф. Р–1, оп. 1, д. 513, л. 3–5.

³⁰ Там же, д. 509, л. 18–18 об., 19–21.

³¹ Там же, л. 2–14.

Крыма, выявлено влияние соседних народов (особенно армян и татар Поволжья) на памятники постзолотоордынского периода, предложена датировка археологических объектов [2]. Этот интереснейший материал по праву признан классикой научного крымоведения.

После отчета Б.Н. Засыпкина в ноябре 1926 года на заседании Ученого совета ЦГРМ об исследовании крымских памятников и намеченных мерах по их реставрации, его разработки были одобрены как имеющие «большое научное и практическое значение»³². Для осуществления конкретных мероприятий по реставрации была образована комиссия под руководством Н.Р. Левинсона, куда вошли Б. Н. Засыпкин и от крымских деятелей – У.А. Боданинский, как имевший образование художника-декоратора. Им поручалось составить методическую инструкцию для организации ремонтных и реставрационных работ в отношении тюрко-татарских памятников Крыма³³.

Предыстория сюжета выявленного нами эпистолярия такова. В 1924 году при детальном осмотре средневековой евпаторийской мечети Джума-Джами из-за образовавшегося протекания П.Я. Чепурина обнаружила там древний Коран, который был включен в состав фондов музея. Евпаторийская музейщица обратилась к специалистам из академических центров СССР и Западной Европы для определения датировки и общей исторической ценности данного памятника. Тогда была обозначена уникальность Корана «по письму, росписи и количеству заставок» [16, с. 5]. После ее доклада об открытии уникального книжного памятника в КрымОХРИС реакция руководителей структуры, отвечавшей за сохранение культурного наследия, была довольно странной. В Евпаторию прибыл заместитель заведующего КрымОХРИСом Ян Петрович Бирзгал (1898–1968), который изъясил уникальную книгу из фондов музея Евпатории и увез в Симферополь. Дело в том, что руководство КрымОХРИСа (А.И. Полканов и Я.П. Бирзгал) поддерживали инициативу У. А. Боданинского сделать Государственный дворец-музей тюрко-татарской культуры в Бахчисарае единственным центром по изучению тюркской культуры и централизованным местом хранения соответствующих памятников. Заведующая евпаторийским музеем обратилась с жалобой на неправомерные действия Я.П. Бирзгала и стоявших за ним А.И. Полканова и наркома просвещения Крымской АССР У.В. Балича в Музейный отдел Главнауки Наркомпроса РСФСР.

В 1926 году П.Я. Чепурина приняла участие в уже упомянутой Конференции археологов СССР в Керчи, которая проходила на базе местного му-

³² Там же, д. 9, л. 172.

³³ Там же, л. 173.

зая. Краевед выступила там (на той же секции, что и Б.Н. Засыпкин; их доклады следовали один за другим) с сообщением «О Коране евпаторийской мечети», где остановилась на истории сооружения культовой постройки. Она привела две легенды о Коране – как «заветном даре на черный день» и «сердце мечети», изъятие которого приведет к смерти мечети [18]. Подробно были проанализированы художественное оформление, шрифты уникального памятника, причиненные временем и небрежным обращением повреждения. В кулуарах конференции научному сообществу был предан огласке факт самоуправных действий Я.П. Бирзгала. Несмотря на настойчивые требования председателя КрымОХРИСа А.И. Полканова, П.Я. Чепурина отказалась не выносить на обсуждение коллег данную ситуацию³⁴.

Реакция крымских чиновников, курировавших музеи – возглавлявших ОХРИС и Наркомат просвещения, на эти действия П.Я. Чепуриной не заставила себя ждать. 6 марта 1927 года Евпаторийский музей посетил нарком просвещения Крымской АССР Усеин Вели Балич. По его утверждению, он приехал в качестве уполномоченного Главнауки. Чиновник объявил о решении академического совещания Наркомата просвещения Крымской АССР закрыть Евпаторийский археолого-этнографический музей. Предписывалось передать все фонды в Государственный дворец-музей тюрко-татарской культуры в Бахчисарае.

П.Я. Чепурина не собиралась сдаваться. Она обратилась в Государственную академию истории материальной культуры с ходатайством о сохранении уникального собрания в Евпатории. В специальном отношении отмечала: «Нахожу совершенно невозможным вести работу при подобных условиях, когда администрацией решается судьба научного учреждения, его материалов, не учитывая ни исторических условий, ни перспектив развития музея. Постоянные попытки перевода, перетасовки караимских материалов, совершенно прекратили приток новых пожертвований, грозят порвать уже налаженные музеем общении с караимскими общинами СССР, мешают провести в жизнь план работ научного обследования имеющегося уже материала»³⁵.

Именно в это напряженное время и написано первое ее письмо Б.Н. Засыпкину в Москву.

«8–III–1927. Евпатория.

Глубокоуважаемый Борис Николаевич, у меня опять новость: 6-го был у меня Балич и... закрывает Евп[аторийский] музей, а все материалы отправляет в Бахчисарай...

³⁴ ИИМК РАН НА РО, ф. 2 (1927 г.), д. 83, л. 5–5 об.

³⁵ Там же, л. 16 об.

Ну и друг же он вирный! Усеин Эфенди [Боданинский – *А.Н.*] расширяет свой музей, а У. Балич, заботится, как бы наполнить его материалами Евпатории. Знаете, я немало видывала «сватов» – но, таких как Бирзгал – Полканов поискать надо днем с огнем. Они так одолели Балича, что он не только делает, но думает и говорит по указке Бирзгал[а] – Полканов[а].

Отношение Балича к Глав. Науке самое наплевательское – результат поведения Бирзгала. Глав. Наука своим попустительством относительно оставления Полканова в качестве директора и полным бездействием сладить с упорным нежеланием Бирзгала выполнить приказания ее об отправке, попустительствовала разыграться ихнему нахальству до Геркулесовых столбов.

Сейчас у меня Павел Иванович Голландский [архитектор, сотрудник КрымОХРИСа – *А.Н.*], которого прислал Балич осмотреть Хан Джами и др[угие] здания. Он пришел в ужас от тех разрушений, которые произошли за зиму. Я посылаю одновременно [служебную записку – *А.Н.*] по этому поводу в Реставрационный отдел Глав. Науки. Очень прошу Вас всемерно поддержать мое отношение и указать на бессмысленность той экономии, которую Полканов устроил в прошлом году – результат ее сказался на памятниках старины Евпатории. В особенности в ужасном виде домики мои чудесные! Вы себе не представляете того ужаса, который я испытываю при мысли о том, что нахалам нашим отданы в распоряжение все средства, все возможности разрушения и уничтожения. Неужели их нельзя притянуть к суду за подобную «деятельность».

Хан-Джами и домики, куда ценнее позолоченной пряжки, из-за которой тов. Бирзгал второй месяц отравляет мою голову. Да, я получила от Муз[ейного] отд[ела] бумажку, приятную для меня и неприятную для Усеина Эфенди [Боданинского – *А.Н.*]. Мне дают временно Коран до окончания работы. Спасибо, Нат[алье] Ив[ановне] [Седовой – *А.Н.*]. Скажите, Борис Николаевич, Петров Ф.Н. – выздоровел, принимает или нет. Что слышно в Глав. Науке? Полканов сейчас в Москве, поехал заметать следы по моему делу. Они получили бумагу выслать дело в центр и он поехал налгать целый ворох.

Привет Вам и Вашей супруге. Уважающая Вас, П. Чепурина.

Привет Б.П. Денике»³⁶.

Упомянутые в письме «домики» – караимские дома в старой части застройки Евпатории с уникальными резными деревянными потолками и карнизами. П.Я. Чепурина справедливо считала, что закрытие музея в Евпатории и, в частности, передача караимских материалов в бахчисарайский музей нерационально. Подаренные в значительной степени караимской

³⁶ ЦГАМ, ф. Р-1, оп. 1, д. 513, л. 12–12 об.

общинной, эти материалы являлись достоянием Евпатории. Как видно из текста письма, заведующая отослала обращения во все инстанции, создавая широкий общественный резонанс. Она пыталась попасть на прием к руководителю Главнауки Ф.Н. Петрову, обратилась к руководителю музейной секции Главнауки Наркомпроса РСФСР Н.И. Седовой. В письме, направленном в Государственную академию материальной культуры, непосредственно ее руководителю Н.Я. Марру, 5 апреля 1927 года П.Я. Чепурина взывала: «Прошу Академию оказать содействие своим научным авторитетом <...> в деле сохранения полной неприкосновенности караимских материалов», настаивая через Главнауку на недопустимости приведения в исполнение решения крымской администрации по делам музеев о закрытии Евпаторийского музея³⁷. Н.Я. Марр, который постоянно интересовался положением дел в развивающемся крымоведении [12], не остался безучастным в судьбе, как он считал, «самой значительной в СССР караимской музейной коллекции». По его указанию ГАИМК сделала запрос в Главное управление музеями Главнауки [см. подробнее: 14]. Оттуда 6 июня 1927 года был получен ответ об аннулировании решения местных крымских органов о закрытии музея³⁸.

А Полина Яковлевна в это время сообщала Б.Н. Засыпкину развернутый план мероприятий по спасению музея.

«Евпатория. 6–IV–1927.

Глубокоуважаемый Борис Николаевич, получила Вашу открытку в разгар переписки с Ленинградом [Государственной академией истории материальной культуры – А.Н.] и потому до сих пор не могла ответить Вам.

Спасибо за новости от Наркомпроса Глав. Науки, они как раз мне были нужны для стратегического плана. В данное время я ни на одну минуту не сомневаюсь, что Музей нельзя так легко закрыть, как бы этого желалось бы. Не рассказать всего этого Вам в письме. Надеюсь, что Вы в мае будете в Евпатории. Я очень хочу, чтобы нам не разминуться. Наша краеведческая организация выставляет меня своим кандидатом на Краеведческий съезд 8/V в Москве. Мне очень было бы кстати попасть в Москву, но не знаю, удастся ли. Я думаю, что зам. председателя краеведческого съезда в Крыму тов. Полканов (как Вам это нравится?) будет опять [делать] всяческие гадости, только чтобы помешать провести мою кандидатуру.

Сейчас меня оставили в покое с делом 1923 г. Я так и не вызывалась к следователю после своего заявления к Баличу. Но сейчас у нас разразился дивный акт из трагикомедии (Коран Хан Джамии и зав[едующая] Евп[аторийским] музеем), я получила от Муз[ейного] отд[ела] Главнауки

³⁷ ИИМК РАН НА РО, ф. 2 (1927 г.), д. 83, л. 9.

³⁸ Там же, л. 24.

Наркомпроса РСФСР – А.Н.] бумагу, по которой я могу взять Коран для окончания работы. С этой бумагой я поехала в Крым Наркомпрос. Можете себе представить, как было приятно Баличу, личному другу Усеина Эфенди и «Ване 22 несчастья» писать бумагу, подтверждающую требования о выдаче Корана. 4 дня проморили они меня, думая, что я рассержусь и уеду. – Я не рассердилась и дождалась бумагу. Приехала в Бахчисарай: Усеин Эфенди был зол, как полагается, не дал мне Корана, заявив, что на бумагу Глав. Науки он один раз не посмотрит (по русскому переводу – плюнул), а на Крым Наркомпросовскую – три раза не посмотрит, не считается. Я знала, что ответ будет таков, но захотела проверить сложившееся мнение об Усеине Эфенди. Он оказался таковым, как и следовало ожидать. Я попросила дать мне мотивировку отказа. Мотивировку он дал очаровательную – лучше не нужно. Я ее направила в Муз[ейный] отд[ел] и тов. Вайнер [Лазарь Яковлевич, сотрудник Музейного отдела Наркомпроса РСФСР, скульптор – А.Н.] останется доволен.

Не знаете ли Вы, Федор Ник[олаевич Петров – руководитель Главнауки Наркомпроса РСФСР – А.Н.] приедет на наш краеведческий съезд 16–17 апр.? Когда же выяснится Ваш отъезд? – Ждать буду Вас с большим удовольствием и заботой не разминуться – меня могут вызвать для доклада в Ак[адемию] наук. Точно, какого числа, не могу сказать. Привет Вашей супруге и Вам от меня и Кл[авдии] Як[овлевны Рыбальской – сестра П.Я. Чепуриной – А.Н.].

Всего доброго, уважающая Вас П. Чепурина.

В Ленинграде, Ак[адемией] Мат[ериальной] Культ[уры] 28–III не было получено ни мой доклад, ни постановление секции Москов[ской] относительно Евп[аторийского] музея. Привет Б.П. Денике»³⁹.

«Ваней 22 несчастья» П.Я. Чепурина поименовала Яна (Ивана) Петровича Бирзгала. Упомянутый «краеведческий съезд», действительно собравшийся в Симферополе в апреле 1927 года, был форумом Общества по изучению Крыма. Приезд в Крым в апреле 1927 года, про который сообщал Б.Н. Засыпкин П.Я. Чепуриной, был связан с новой экспедицией ЦГРМ на полуостров под руководством возглавлявшего это учреждение Игоря Эммануиловича Грабаря (1871–1960). В состав исследовательского коллектива были включены руководитель Комиссии по сохранению и раскрытию памятников древней живописи в России, искусствовед Александр Иванович Анисимов (1877–1937), реставратор Григорий Осипович Чириков (1882–1936) и фотограф А.В. Лядов. Задачей экспедиции было обследование памятников архитектуры с сохранившейся живописью и обозначение необходимых мер для охраны и поддержания этих архитектурных объек-

³⁹ ЦГАМ, ф. Р–1, оп. 1, д. 513, л. 13–13 об.

тов. Намечено было и проведение инструктажа для музейных работников по научно-техническим приемам по уходу за памятниками. До Евпатории в тот год ученые не доехали. Они работали в Бахчисарае, Севастополе, Феодосии и Судаке⁴⁰.

А конфликт П.Я. Чепуриной с Крымнаркомпросом перешел в это время в новую фазу. В мае 1927 года при организованной с подачи наркома просвещения Крымской АССР У.В. Балича проверке фондов Евпаторийского музея краеведения заместителем заведующего КрымОХРИС Я.П. Бирзгалом были выявлены «злоупотребления и должностные преступления» П.Я. Чепуриной, заключающиеся в раздаче «художественных ценностей» музея (материалов фондов, уже учтенных в книгах поступлений) «частным лицам и сотрудникам по ее усмотрению»⁴¹. Так, гражданке Ходжаш-Капленовской возвращены «пять картин известных мастеров XIX века»; гражданке Кольевой был вернули гарнитур старинной мебели; гражданину Казасу выданы ранее изъятые у него ваза, две скульптуры, ковер, скатерть; гражданину Муждабе отдан старопечатный Коран⁴². Несмотря на объяснения заведующей музеем, о том, что ею были возвращены жителям города вещи, незаконно реквизированные у них в первый год Советской власти, когда «уплотнились» особняки состоятельных граждан, против П.Я. Чепуриной было возбуждено уголовное дело.

Следующее из сохранившихся писем П.Я. Чепуриной датируется декабрем 1927 года.

«Глубокоуважаемый Борис Николаевич. Нам действительно не везет на переписку. Я почти месяц тому назад начала Вам письмо и до сих пор не могла его закончить. И все из-за Вани 22 несчастья. Он виновник сего торжества, что моя эпистолия завяла, заблекла и потерялась. Вновь в конце июня он возбудил дело, немного переменив его окраску. Я вышла из берегов терпения и обратилась к защите у власть имущих в Евпатории, надо сказать – я совершенно не ожидала такого блестящего результата, какой получился от этого. Давно бы нужно было поступить так и в Москву не ездить. Зубки Вани подпилили, но нервы мои не могут прийти в себя до сих пор. Радуюсь за музей больше чем за себя. На днях очень пожалела, что Вас не было на нашем научном совещании. Воспользовавшись тем, что в данное время в Евпатории много научных сил, я пригласила их с тем, чтобы они высказались по нашим материалам книжным и музейным. Также по памятникам старины по сделанной работе. Ник[олай] Ник[олаевич]

⁴⁰ Там же, д. 10, л. 154–154 об.

⁴¹ ГАРК, ф. Р–652, оп. 1, д. 1184, л. 23.

⁴² Там же, л. 24.

Померанцев расскажет Вам подробно. Вы даже ознакомитесь по копии протокола, которую он получит от нас.

Сегодня получена копия протокола того заседания ОПИКа [Общества по изучению Крыма – *А.Н.*], о котором Вы мне пишете. Здорово! Будем кричать «ура», еже ли попадём на страх и зависть «друзьям», на гос. бюджет РСФСР. Я подниму свой нос гордо и смело вверх. Да, в этом году сам Райкурорт (Районное курортное управление), пришел с повинной головой в музей. 2 года они мешали нам открыть бальнеологический отдел, а теперь сами принесли весь свой материал. Вообще начинаем побеждать врагов супостатов (под нож).

В Хан Джами оббиваем штукатурку, будем ее сушить и покрывать купола как Вы говорили.

Привет Вашей супруге, если вернулась, и желаю Вам всего доброго. Уважающая Вас П. Чепурина.

26–XII–1927 г. Евпатория.

Посылаю Вам листовку по Хан Джами. Извините за сугубо популярное изложение – так требуется уважаемой публике⁴³.

Упомянутый в письме искусствовед, реставратор Н.Н. Померанцев (1891–1986) по согласованию с Б.Н. Засыпкиным и по указанию И.Э. Грабаря оказывал Евпаторийскому музею методическую помощь по проведению реставрационно-восстановительных работ в мечети. Хотя в ходе следствия над П.Я. Чепуриной обвинения уголовного плана были сняты и доказано, что заведующая возвращала людям их незаконно изъятые вещи, Полина Яковлевна была уволена с должности руководителя музеем⁴⁴. Закрытие ОХРИСов в 1927 году, упразднение в 1928 году Музейного отдела Главнауки Наркомпроса РСФСР резко подорвало позиции П.Я. Чепуриной. Она осталась один на один с местными чиновниками. П.Я. Чепурина в дальнейшем занималась организацией артелей, где производили предметы быта крымских татар в виде сувенирной продукции. В 1931 году она передала руководство артелями своей сестре и ученице К.Я. Рыбальской и посвятила себя исключительно научно-исследовательской и выставочной работе в Москве. В 30-е годы в Музее восточных культур ею были подготовлены выставки «Ткани Крыма», где были представлены образцы и рисунки орнаментов, «Искусство советского Крыма». Демонстрировались произведения народных артелей, сделанные с сохранением народных традиций. Вместе с материалами, иллюстрировавшими караимское искусство в Крыму, старинные татарские ткани и вышивки, «татарскую ткань и вышивки в эпоху порабощения Крыма царизмом» демонстрировались картины совре-

⁴³ ЦГАМ, ф. Р–1, оп. 1, д. 513, л. 14–14 об.

⁴⁴ ГАРК, ф. Р–20, оп. 3, д. 52, л. 48–50.

менных крымских художников⁴⁵. В это время по поручению Всесоюзной торговой палаты П.Я. Чепурина занималась возрождением кустарно-художественной промышленности Крыма и подготовкой образцов для международной выставки в Париже 1937 года⁴⁶. В Музей восточных культур (сейчас Государственный музей искусства народов Востока) П.Я. Чепурина передала и вывезенную из Крыма коллекцию рисунков крымско-татарской одежды с пояснительными текстами, которую формировала в течение многих лет. Все рисунки выполнены ее сестрой А.Я. Рыбальской, пояснительный текст и шифры проставлены рукой К.Я. Чепуриной. Основная часть зарисовок территориально ограничивается регионами Бахчисарая и Евпатории, частично Ялты: элементы крымско-татарской одежды⁴⁷. Для популяризации и дальнейшего изучения культуры крымско-татарского народа сыграли выставки зарисовок крымско-татарского орнамента, ткачества и вышивок в Москве (1929, 1935 гг.) и всемирные выставки декоративного искусства и современной художественной промышленности в Париже (1925, 1928, 1937 гг.). Подготовленные П.Я. Чепуриной на этих выставках экспозиции принесли Советскому Союзу престижные награды.

Контакты с Б.Н. Засыпкиным у заведующей Евпаторийским музеем со временем прекратились. Сворачивание программы по изучению мусульманских памятников в Крыму развернуло московских реставраторов к другим регионам. А в январе 1934 года Б.Н. Засыпкин стал одним из фигурантов «Дела сотрудников ЦГРМ». Ему вменяли защиту памятников старины, предназначенных к сломке. Ученый был приговорен к высылке и в Крым больше не возвращался [1, с. 169–170].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Доброновская М.А. Засыпкин Борис Николаевич // Мирас – Наследие: Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах / Ин-т археологии им. А.Х. Халикова АН Республики Татарстан; Сост., отв. ред. С.Г. Бочаров, А. Г. Ситдиков: В 3-х т. Казань, 2016. Т. 1. С. 157–172.
2. Засыпкин Б.Н. Памятники архитектуры крымских татар // Крым. 1927. № 2(4). С. 113–168.
3. Засыпкин Б.Н. Состояние татарских памятников в Крыму // Бюллетень Конференции археологов СССР в Керчи. 1926. № 3. 7 сентября. С. 6.
4. Непомнящий А.А. Академик С.Ф. Платонов и крымоведение. Белгород: Константа, 2018. 216 с. (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 27).

⁴⁵ ГМИНВ, оп. 2, сшивка 6, д. 115, л. 20–23.

⁴⁶ ГАРК, ф. Р–663, оп. 7, д. 115, л. 5.

⁴⁷ ГМИНВ № 180 /III; 195 /III; 198 /III; 201 /III; 209 /III; 214 /III; 238 /III; 251 /III; 255 /III; № 256 III; 257 III; 262 III; 264 III; 265 III; 268 III; 269 III.

5. Непомнящий А.А. Алексей Башкиров в крымоведческих коммуникациях первой трети XX столетия // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Исторические науки. 2018. Т. 4(70), № 4. С. 40–83.
6. Непомнящий А.А. Восточный факультет: неизвестные страницы истории крымоведения. Саратов: Амирит, 2021. 416 с. (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 31).
7. Непомнящий А.А. История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (1921–1945). Симферополь: Антиква, 2015. 936 с. (Серии: «Крым в истории, культуре и экономике России»; «Биобиблиография крымоведения»; вып. 25).
8. Непомнящий А.А. Историчне кримознавство (кінець XVIII – початок XX століття): Біобібліографічне дослідження. Симферополь, 2003. 453 с.
9. Непомнящий А.А. Караимское книжное собрание Карай-битиклиги: история утраченной коллекции // Библиография и книговедение. 2020. № 5. С. 125–135.
10. Непомнящий А.А. КрымОХРИС в документах отдела письменных источников Государственного исторического музея (1920–1927) // Вестник Томского государственного университета. Серия: «История». 2022. № 75. С. 125–130.
11. Непомнящий А.А. Музейное дело в Крыму и его старатели (XIX – начало XX века): биобиблиографическое исследование / Таврический нац. ун-т им. В.И. Вернадского. Симферополь, 2000. 360 с.
12. Непомнящий А.А. Николай Марр и крымоведение 1920-х // Крымское историческое обозрение. 2014. № 1. С. 46–67.
13. Непомнящий А.А. Осман Акчокраклы: неизвестные страницы биографии // Крымское историческое обозрение. 2021. № 1. С. 154–187.
14. Непомнящий А.А. «Хочу поделиться с Вами некоторыми важными для меня соображениями»: письмо К.Э. Гриневича к Н.Я. Марру // Исторический архив. 2015. № 4. С. 65–70.
15. Охрана и изучение памятников истории и культуры в Крымской АССР: исследования и документы / Авт.-сост. А.В. Хливнюк; Под ред., вступ. ст. А.А. Непомнящего. Симферополь: СГТ, 2008. 240 с. (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 11).
16. Чепурина П.Я. Евпаторийская ханская мечеть Джума-Джами (Хан-Джами). Евпатория, 1927. 8 с.
17. Чепурина П.Я. Евпаторийский музей // Крым. 1926. № 2. С. 200.
18. Чепурина П.Я. О Коране евпаторийской мечети // Бюллетень Конференции археологов СССР в Керчи. 1926. № 3. 7 сент. С. 6.

Сведения об авторе: Непомнящий Андрей Анатольевич – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (295007, проспект Академика Вернадского, 4, Симферополь, Российская Федерация); dr.aan@mail.ru

Interpersonal communication in the Crimean local history according to the unknown correspondence between P.Ya. Chepurina and B.N. Zasytkin in 1927

Andrey Nepomnyashchy

(*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences;
V.I. Vernadsky Crimean Federal University*)

Annotation. The interpersonal conflict between the leading figures of the historical Crimean local history of the epoch, that emerged on the basis of the specialization of local museums was analyzed in the article. The letters from the Head of the Evpatorian Archaeological and Ethnographic Museum Polina Yakovlevna Chepurina to a major restorer, organizer of events for the protection of cultural heritage in various regions of the USSR Boris Nikolaevich Zasytkin, identified by the author in the fund of the Central State Restoration Workshops in the Central State Archives of Moscow, were to become the basis of the scientific research. The diverse range of problems faced by the ascetic of Evpatorian local history, and the wide range of her scientific contacts thanks to the epistolary, were revealed. The attempt of the Crimean authorities to close the museum in Evpatoria and to overeat the funds into the composition of the State Museum of Turkic-Tatar culture in Bakhchisarai was considered.

Keywords: Crimean local history, Evpatoria Archaeological and Ethnographic Museum, B.N. Zasytkin, P.Ya. Chepurina.

For citation: Nepomnyashchy A.A. Interpersonal communication in the Crimean local history according to the unknown correspondence between P.Ya. Chepurina and B.N. Zasytkin in 1927. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2022, vol. 9, no. 2, pp. 63–83. DOI: 10.22378/kio.2022.2.63-83 (In Russian)

REFERENCES

1. Dobronovskaya M.A. Zasytkin Boris Nikolaevich. *Miras – Nasledie: Tatarstan – Krym. Gorod Bolgar i izuchenie tatarskoy kul'tury v Tatarstane i Krymu v 1923–1929 godakh* [Miras – Heritage. Tatarstan – Crimea. Bolgar Town and the Study of the Tatar Culture in Tatarstan and the Crimea in 1923–1929] / In-t arkhologii im. A.Kh. Khalikova AN Respubliki Tatarstan; Sost., otv. red. S.G. Bocharov, A.G. Sitdikov; V 3-kh t. Kazan, 2016, vol. 1, pp. 157–172 (In Russian)
2. Zasytkin B.N. Pamyatniki arkhitektury krymskikh tatar [Monuments of architecture of the Crimean Tatars]. *Crimea*. 1927, no. 2(4), pp. 113–168 (In Russian)
3. Zasytkin B.N. Sostojanie tatarskih pamjatnikov v Krymu [Condition of the Tatar monuments in the Crimea]. *Byulleten' Konferentsii arkhologov SSSR v Kerchi – Bulletin of the Conference of Archaeologists of the USSR in Kerch*. 1926, no. 3, 7 sentjabrja, p. 6 (In Russian)

4. Nepomnyashchiy A.A. Akademik S. F. Platonov i krymovedenie [Academician S.F. Platonov and Crimean local history]. Belgorod: Konstanta Publ., 2018. 216 p. (Serija: «Biobibliografiya krymovedeniya»; vyp. 27) (In Russian)

5. Nepomnyashchiy A.A. Aleksey Bashkirov v krymovedcheskikh kommunikatsiyakh pervoy treti KhKh stoletiya [Alexey Bashkirov in the Crimean local studies communications of the first third of the XX century]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki – Scientific notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Historical sciences*. 2018, vol. 4(70), no. 4, pp. 40–83 (In Russian)

6. Nepomnyashchiy A.A. Vostochnyj fakul'tet: neizvestnye stranicy istorii krymovedeniya [The Oriental faculty: unknown pages of the history of the Crimean local history]. Saratov, Amirit Publ., 2021. 416 p. (Seriya: «Biobibliografiya krymovedeniya»; vyp. 31) (In Russian)

7. Nepomnyashchiy A.A. Istoriya i etnografiya narodov Kryma: bibliografiya i arkhivy (1921–1945) [History and Ethnography of the Peoples of the Crimea: Bibliography and Archives (1921–1945)]. Simferopol: Antikva Publ., 2015. 936 p. (Serii: «Krym v istorii, kul'ture i ekonomike Rossii»; «Biobibliografiya krymovedeniya»; iss. 25) (In Russian)

8. Nepomnyashchiy A.A. Istorychne krymoznavstvo (kinets' XVIII – pochatok XX stolittya): Biobibliografichne doslidzhennya [Historical Crimean studies (late XVIII – early XX century): Biobibliographic research]. Simferopol, 2003. 453 p. (In Ukrainian).

9. Nepomnyashchiy A.A. Karaimskoe knizhnoe sobranie Karay-bitikligi: istoriya utrachennoy kollektzii [Karait book collection Karai-bitikligi: the history of the lost collection]. *Bibliografiya i knigovedenie – Bibliography and bibliology*. 2020, no. 5, pp. 125–135 (In Russian)

10. Nepomnyashchiy A.A. KrymOKhRIS v dokumentakh otdela pis'mennykh istochnikov Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya (1920–1927) [KrymOHRIS in the documents of the Department of Written Sources of the State Historical Museum (1920–1927)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: «Istoriya» – [Tomsk State University Journal. Series: «History»*. 2022, no. 75, pp. 125–130] (In Russian)

11. Nepomnyashchiy A.A. Muzeynoe delo v Krymu i ego starateli (XIX – nachalo XX veka): biobibliograficheskoe issledovanie [The Museum work in the Crimea and its prospectors (XIX – early XX centuries): bio-bibliographic research] / Tavricheskiy nats. un-t im. V. I. Vernadskogo. Simferopol, 2000. 360 p. (In Russian)

12. Nepomnyashchiy A.A. Nikolay Marr i krymovedenie 1920-kh [Nikolai Marr and studying of the Crimea 1920s]. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2014, no. 1, pp. 46–67. (In Russian)

13. Nepomnyashchiy A.A. Osman Akchokrakly: neizvestnye stranitsy biografii [Osman Akchokrakly: unknown biography pages]. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie =Crimean Historical Review*. 2021, no. 1, pp. 154–187. (In Russian)

14. Nepomnyashchiy A.A. «Khochu podelit'sya s Vami nekotorymi vazhnymi dlya menya soobrazheniyami»: pis'mo K.E. Grinevicha k N.Ya. Marru [«I want to share with you some important for me considerations»: the letter from K.E. Grinevich to N.Ya. Marr]. *Istoricheskiy arkhiv – [Historical archive*. 2015, no. 4, pp. 65–70] (In Russian)

15. Okhrana i izuchenie pamyatnikov istorii i kul'tury v Krymskoy ASSR: issledovaniya i dokumenty [Protection and study of historical and cultural monuments in the Crimean ASSR: research and documents] / Avt.-sost. A.V. Khlivnyuk; Pod red., vstup. st. A.A. Nepomnyashchego. Simferopol: SGT Publ., 2008. 240 p. (Seriya: «Biobibliografiya krymovedeniya»; vyp. 11) (In Russian)

16. Chepurina P.Ya. Evpatoriyskaya khanskaya mechet' Dzhuma-Dzhami (Khan-Dzhami) [Evpatoria Khan's mosque Juma-Jami (Khan-Jami)]. Evpatoriya, 1927, 8 p. (In Russian)

17. Chepurina P.Ya. Evpatoriyskiy muzey [Evpatoria Museum]. *Krym – Crimea*, 1926, no. 2, p. 200 (In Russian)

18. Chepurina P.Ya. O Korane evpatoriyskoy mecheti [About the Koran of the Evpatoria mosque]. *Byulleten' Konferentsii arkhelogov SSSR v Kerchi – [Bulletin of the Conference of Archaeologists of the USSR in Kerch]*. 1926, no. 3, 7 sent., p. 6 (In Russian)

About the author: Andrey A. Nepomnyashchy – Dr. Sci. (History), Professor, Leading Researcher of the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (420111, Baturin Str., 7A, Kazan, Russian Federation); professor of the Department of History of the Ancient World and the Middle Ages of V.I. Vernadsky Crimean Federal University (295007, Academician Vernadsky Ave., 4, Simferopol, Russian Federation); dr.aan@mail.ru